

О ГРУШКО С. Л. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ГРУШКО Степан Лукьянович. До революции служил певцом в Софийском соборе Киева, с 1921 — регентом и псаломщиком в церкви села Головковка Чигиринского округа, с 1922 — служил священником Украинской Автокефальной Православной Церкви в селе Сулицкое Криворожского округа. В 1929 — арестован по групповому делу священнослужителей и отправлен в Криворожскую тюрьму. Через семь недель освобожден с условием выезда из округа. 18 января 1930 — арестован в селе Куцеволовка Кременчугского округа, приговорен к 3 годам ссылки в Севкрай и 11 марта отправлен в Архангельск.

Весной 1932 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью его жена, Мария Ивановна Грушко.

<Весной 1932>

«Многоуважаемая Е. П.! К заявлению прилагаю еще письмо и надуюсь, что Вы, как женщина, обратите внимание на мое пролетарское происхождение, только покорно прошу Вас не гневаться, что утрудняю Вас своим письмом. Но без этого невозможно, ибо, наверно, родилась для того, чтобы наплакать бочку слез.

Родилась я в батрацкой семье в с<еле> Лобачево Киевск<ой> обл<асти> Белоцерковского округа. Отец мой всю жизнь служил у помещика мельником, да и к тому горький пьяница был. А семья наша состояла из 9-ти душ, у отца был буйный характер, и нам часто всей семьей приходилось ночевать под чужими заборами. Когда я подросла настолько, что могла служить в качестве няни, то отец отвез меня в г<ород> Киев и нанял к одной торговке, такой же пьянице, как и сам, где я прослужила 3 года. Не стану описывать тех страданий, каковые пришлось перенести мне от паразитов и других насекомых. Дальше переходя со службы от одной хозяйки до другой, я испытала всю прелесть пролетарской жизни. Но этим дело не окончилось, отец вызвал меня в деревню и выдал замуж за односельчанина Осадчука Харитона, и тем выполнил свой родительский долг. Но увы и ах! Муж мой находился в интимной связи со своей мачехой, а женился лишь для того, дабы спрятать свою физиономию от людских разговоров. Меня он начал бить и обижать, так что я вынуждена была бросить деревню и уехать опять в Киев. А так как я была в положении беременности, то и службу найти хоть сколько-нибудь сносную не так-то было легко. В таком положении брали на службу только такие хозяйки, которые только старались подешевле заплатить, да как можно больше эксплуатировать. Но как говорится: терпение и труд все перетрут.

С ребенком я поступила на службу к неким Жеребцовым в женскую гимназию, а так как там был пансион и детский сад, то мне приходилось готовить на 60 душ завтраки, обеды и ужины. А тут еще муж мой Осадчук начал дело тормозить с паспортом, так что я вынуждена была искать развода со своим мужем. Меня тогда познакомили с теперешним моим мужем, Грушко Степаном, который служил тогда при Софийском соборе в качестве певца и писал прошения о бракоразводах.

То было дело не легкое при старорежимных порядках. Но <е> конце концов дело мое с бракоразводом увенчалось успехом, и муж мой Грушко на мне женился. А так как он состоял в кружке революционеров, то вынужден был прятаться от преследования полицией. И вот мы уезжаем из Киева в с<ело> Головковку б<ывшего> Чигиринск<ого> уезда, <он> в качестве регента и исп<олнителя> о<бязанности> псаломщика. Но и здесь нам не повезло. Священник Садовский Александр, зная революционные наклонности моего мужа Грушко, старался на каждом

шагу ему вредить и своими происками достиг того, что нас в 1922 г<оду> бандиты обобрали до голого, мужа избили, а меня изнасиловали. А надо Вам знать, Е.П., что то были за бандиты. Это был районный информатор, нач<альник> местной милиции, а также начальник отряда, который находился в то время в с<еле> Головковка при Ревтрибунале. Дело это находится в Черкасском суде, их судили как хулиганов и насильников.

И так, оставшись без куска хлеба, ибо тот же священник Садовский научил церковный совет, дабы увольнять мужа моего от занимаемой им должности, и мы остались голые и холодные. Куда деваться, что делать? На это трудно было ответить. А дело было зимой. Это был как раз голодный год. В это время на Украине украинизировались церкви, и епископ тогда был Чигиринский, а теперь Харьковский Иван Павловский, предложил моему мужу поступить священником в Укр<аинскую> Церковь, что он вынужден был сделать в силу сложившихся обстоятельств.

Выходка грабителей оппортунистов, каковые провоцировали Сов<етскую> власть, подорвали престиж Сов<етской> власти, ибо тогда трудно стало разобраться, где справедливость. Но все-таки ни муж мой, ни я никогда не были и не будем контрреволюционерами. Я знаю своего мужа честным и добрым, милосердным к бедным, с которыми он делился последним куском хлеба и последнею рубахой. Это может подтвердить Червоненко Андрей в с<еле> Лошкаревка Криворожск<ого> окр<уга> (красноармеец).

И вот <в> 1929 г<оду> в с<еле> Сулыцкому, где мы жили, арестовывают его, сажают в Допр в Кривом Рогу и, продержавши 7 недель, освободили с условием выехать из Криворожского округа, куда-либо. Когда он выехал в с<ело> Куцеволовку Кременчугского округа, то 18 января 1930 г<ода> опять был задержан Кременчугским ГПУ. Препровожден в Криворожское ГПУ на доследование, но никакого доследования с него не снимали, а 11/III отправили в Архангельск на 3 г<ода> на высылку.

Прошу извинения за беспокойство. М. Грушко»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 830. С. 143-144. Автограф.